

№ 2 (290). ФЕВРАЛЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Н. Б. БАБИНА. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.
ХОЛСТ, МАСЛО. 2013 ГОД

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов

Художник-верстальщик:

С. В. Певцова

Редактор-корректор:

Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован
Государственным Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 14.01.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик
рецензируются.

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ 2 *Зинаида Викторовна Васильева «Святая чистота полезного труда»*
О выдающемся русском враче
Ф. И. Иноземцеве (1802–1869)

ТРУДЫ И ДНИ 16 *Владимир Ильич Мильков, Владимир Владимирович Мильков*
Возвращение к жизни
О создателе Государственного литературно-мемориального музея-заповедника
А. П. Чехова «Мелихово» — художнике и писателе Ю. К. Авдееве (1918–1987)

БЫЛОЕ 34 *Владимир Иванович Мельник*
Прыжки с парашютом в Ильинском
О пребывании в этой великокняжеской подмосковной резиденции американского воздухоплавателя и парашютиста
Ш. Леру (1857–1889)

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 38 *Мария Вячеславовна Артюшенко*
«...Достойный его имени»
О памятнике архиепископу Амвросию (Зертис-Каменскому) в Донском монастыре

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 46 *Николай Владимирович Вехов*
По страницам летописи Кольмского края
Об освоении русскими этого сибирского региона

СВЕТ ПАМЯТИ 68 *Елена Викторовна Офицерова*
«Красная школа» в Царицыне
О традициях, учителях и учениках этого известного в прошлом подмосковного, позже (1960) московского учебного заведения (1914–1972)

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 79 *Михаил Юрьевич Коробко*
Малое Голубино
Об этой исчезнувшей подмосковной усадьбе и ее владельцах

РЕПЛИКА 87 *Михаил Михайлович Попов*
Москва рекламная
По поводу некоторых современных рекламных вывесок

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 93 *Ирина Валентиновна Самсонова*
«Ее творчество излучает добро и свет»
Работы художницы Н. Б. Бабиной

*Владимир Ильич Мильков,
Владимир Владимирович Мильков*

Возвращение к жизни*

О создателе Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А. П. Чехова «Мелихово» — художнике и писателе Юрии Константиновиче Авдееве (1918–1987)

*Юрий Константинович Авдеев. Фотография 1970-х годов.
Из фондов Государственного литературно-мемориального музея-заповедника в Мелихове*

В 2014 году исполнилось 120 лет со времени постройки Антоном Павловичем Чеховым в Мелихове знаменитого теперь на весь мир флигеля. А еще этот год — год 70-летия официального основания музея (1944)¹. Когда приходишь в музей, невольно обращаешься мыслями к Чехову.

И зачастую не осознаешь, что за сохраненной памятью стоят люди — мало кому известные музейные работники. А ведь они, по сути, оставили нам и памятник трудам своим. Наше слово — о Юрии Константиновиче Авдееве, для которого Мелиховский музей стал делом жизни.

*Журнальный вариант

В Мелихове спустя полстолетия после отъезда писателя из Подмосковья почти ничего не напоминало о жизни здесь трудолюбивой чеховской семьи. На усадьбе уцелел только флигель, впервые отремонтированный в 1940 году. В тот предвоенный год молодой художник Юрий Авдеев принимал участие в оформлении скромной экспозиции, не думая тогда, что позже судьба свяжет его с этими местами на всю жизнь.

С началом войны Авдеев ушел добровольцем на фронт, как и другие ополченцы, набранные из столичных интеллигентов, оказавшись в рядах 3-й Московской Коммунистической дивизии. Первое дыхание войны ощутил на себе, когда враг вплотную подступил к Москве. Их наспех сформированная батарея стояла близ Речного вокзала. От Калинина и Клина, занятых немцами, с утра до вечера тянулись в столицу беженцы. Однажды удалось получить увольнение и посетить художественную выставку на Кузнецком мосту: «На стенах висели маленькие идиллические пейзажи с голубыми небесами, тихими речками и полями, залитыми теплым сияющим солнечным светом. Никакая война в эти места не заглянула. Вспомнилось, что и сам я еще в июне-июле писал то же самое, не задумываясь о том, что где-то горит земля, рушатся города, гибнут люди. Об этом нельзя писать, если сам не пережил, если жизнь воспринимается плавно, спокойно, без нерва. <...> Посещение выставки разбудило во мне желание писать, и я купил там же в магазине альбом и акварельные краски, надеясь, что они пригодятся мне»².

Впрочем, воспользоваться приобретенным тогда не пришлось. Дивизию реорганизовали в кадровую и перевели на Северо-Западный фронт. В ту суровую зиму

*Автопортрет.
1939 год*

1942 года, по признанию Юрия Константиновича, он не надеялся остаться в живых среди окружавшей его огненной круговерти. Увидев после первого боя на окраине деревни убитых солдат в новеньких шинелях и с вещмешками за плечами, художник решил расстаться с отягощавшей его поклажей, в том числе с альбомом и красками, «чтобы не тащить ничего лишнего на тот свет».

Потом Авдеев не раз об этом пожалел — ведь и на войне он остался верен своему призванию. Красок же не было даже

Защита диплома в художественном училище. 1940 год

в политотделе, куда Юрия Константиновича спустя полтора года откомандировали с передовой. Пришлось ограничиться зарисовками. Но этюд без кистей и красок не напишешь. Поэтому Авдеев в каждом письме просил мать переправить ему на фронт хоть что-то из его запасов. В конце концов она смогла прислать сыну этюдник с красками.

В минуты затишья Авдеев прямо в окопах или блиндажах рисовал портреты товарищей по оружию. Если в его распоряжении оказывались краски, то на кусках картона он запечатлевал оставшиеся после боя пепелища, картины солдатского быта, создавая «живописную летопись фронтовых походов». Каждому после боя хотелось приложить к весточке домой и свое изображение. Фотограф, один на целую дивизию, не мог обеспечить всех таких запросов. И в тыл отправлялись авдеевские рисунки — на почтовых карточках, на обрывках бумаги...

Вскоре талант Авдеева заметили. Начальство решило, что позирование ему должно стать поощрением отличившимся в бою. Назначенный дивизионным художником, Юрий Константинович находил портретируемых на передовой, на линии огня. В землянках, в окопах быстрыми штрихами набрасывал лица только что глядевших в глаза смерти людей. По его воспоминаниям, политотдел поставил эту работу «на поток». Порой приходилось рисовать по несколько портретов в день. Их собрали в «полевую галерею героев» и использовали в пропагандистской работе, устраивая выставки.

Под Старой Руссой и Демянском, на Ловати, на берегах реки Великой, в Прибалтике Авдеев сделал более трехсот портретов. Случалось, работа завершалась уже после гибели портретируемого, и рисунок, таким образом, становился художественным документом, памятью о подвиге. Так, посмертно выполнил Юрий Константинович большой групповой портрет Героев Советского Союза снайперов Наташи Ковшовой и Маши Поливановой.

В военных условиях трудно было сохранить «живописную летопись фронтовых походов», поэтому Авдеев старался переправить свои зарисовки и этюды в тыл, полагая, что «собранного материала хватит на всю жизнь для будущих картин о самых памятных годах России»³. Одну партию увез откомандированный с передовой начальник политотдела; после войны часть этих работ

обнаружилась в музеях. В 1943 году выезжавший в Москву фронтовой кинооператор Семен Галадж забрал с собой до полусотни этюдов, позднее составивших костяк выставки, которая демонстрировалась в Москве, Новгороде, Старой Руссе, Орле, Серпухове, Подольске, Чехове. Случались и утраты. Однажды машина, перевозившая картины Авдеева на выставку художников Северо-Западного фронта, была уничтожена артобстрелом. Много картин просто затерялось на дорогах войны. И лишь некоторые попали в государственные хранилища (Государственный Исторический музей, Центральный музей Вооруженных сил, Новгородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).

К перечисленному выше следует добавить множество агитационных плакатов и зарисовок, которые делались по горячим следам событий и ставились в очередной номер фронтовой газеты.

Когда отсутствовала возможность взяться за кисти или карандаш, увиденное цепко запечатлевала память. К своим фронтовым воспоминаниям в закатную пору жизни Юрий Константинович обращался неоднократно. Его словесные описания тоже были картинны. Вот в снегу — тела убитых и почему-то донага раздетых немцев, а за ними — догорающие дома большого

*В день вручения медали «За отвагу».
Фотография С. К. Галадж. 1943 год*

Дивизионный клуб

На минных полях

*Фотографии
из архива*

*3-й Московской Коммунистической
стрелковой дивизии*

*Святые Горы. Неподдалеку от заминированной
могилы Пушкина. Фотография 1944 года*

селения... Вот одинокий подбитый наш танк с как бы запнувшимся о землю орудийным стволом, вокруг — срезанный снарядами мертвый лес... Вот среди сотен убитых мирных жителей — тело погибшей девушки с застывшим строгим лицом...

По собственному признанию художника, война перевернула все его мировосприятие. Болела душа за искореженную землю, политую кровью. Обилие встречавшихся трупов притупляло естественное чувство самосохранения, побуждало к крайне рискованным поступкам. Однажды он пробежал на лыжах по заминированному полю, чтобы напрямую протянуть линию связи. Направившийся следом красноармеец подорвался и обезноженным попал в медсанбат. За равнодушие к опасности друзья даже прозвали Авдеева «Факиром».

Судя по письмам, его тогда мучили глубокие смысложизненные вопросы. Масштаб бытийных сдвигов представлялся неподвластным сиюминутному творческому постижению. Точно и правдиво отразить их Авдеев считал невозможным до тех пор, пока пережитое не остынет. И не случайно к теме войны он вернется по-настоящему только десятилетия спустя. Пока же не по летам возмужавший сын делится своими прозрениями с матерью: «Война отняла у меня много, но много и дала. Она очистила душу от всякой накипи, заставила понять в жизни главное. Она обогатила меня как художника. И если бы я, как те, другие, был вне этого, устраивал свое личное благополучие, то я был бы более несчастным человеком. Не оно является целью моей жизни»; «Чтобы видеть изображение, нужно расстояние»; «Сколько впечатлений получаешь на дорогах, особенно сейчас, на дорогах войны! Один мой альбомчик — дневник в рисунках — я так и назвал»⁴. Размышляет Юрий Авдеев и о том, какой окажется встреча оставшихся в живых с послевоенной действительностью. Вызревал образ, созвучный с известной песней М. И. Блантера на слова М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...»: «Я сделал эскиз картины «Возвращение» — солдат вернулся с фронта домой и не нашел ничего, разрушен дом, ни семьи, ни друзей, и стоит

он на фоне безотрадного пейзажа у черной, как могила, ямы на месте бывшего дома. Впечатлений для этого больше чем достаточно, и зрительных, и внутренних. Каждый из нас похоронил в какой-то могиле часть своего прошлого»⁵. Ясно, что это не художественное переосмысление популярного мотива: стихотворение Исаковский написал в 1945 году, а опубликовал в 1946-м; в данном случае можно говорить об обостренной работе чувств и мыслей творческих личностей в одном направлении.

Осенью 1944 года боевой путь Ю. К. Авдеева оборвался. После тяжелого ранения — полная потеря зрения. Для художника это была настоящая трагедия. Врачи делали что могли. Однажды блеснула надежда: в мутной пелене небесного простора Авдеев различил солнце — черный шар. Но неужели все так и останется — черное солнце, белесые силуэты домов? Будто на фотонегативе... Слава Богу, мало-помалу стали выплывать из сероватой мглы очертания деревьев, домов, крыш. И солнце проглянуло сквозь туманное месиво небес. Наконец начало возвращаться ощущение цвета. Голубое небо. Зелень листвы... Возвращалась и надежда снова заняться любимым делом. Однако в итоге восстановилось, да и то частично, лишь боковое зрение. «Переводы из госпиталя в госпиталь не дали ощутимых результатов. Правда, день стал отличаться от ночи, да правый глаз стал кое-что видеть. Но это еще более убеждало, что старая жизнь, жизнь художника кончилась, а новую стоит ли начинать?.. С такими остатками зрения можно было вести тихую жизнь инвалида-пенсионера, копаться на огороде, взять какую-нибудь надомную работу, но ни о каком творчестве нельзя было мечтать. А я не видел смысла жизни без творчества... На всех замыслах был поставлен крест. Художник Авдеев не существовал»⁶.

Как получившего увечье на войне, в 1947 году Авдеева направили руководить артелью инвалидов, изготавливавшей пуговицы. Для творческой личности эта механическая работа оказалась невыносимой. Надо было искать, где, несмотря на ограничения по здоровью, можно приложить свои знания и недюжинные способности. Только бы созидать. Только бы пристать к большому и нужному делу. В конце концов друзья помогли устроиться в Серпуховской историко-краеведческой музей.

* * *

В 1951 году Юрий Константинович пешком пришел в Мелихово. Заповедное место имело жалкий вид. К деревенскому пруду примыкал запущенный пустырь, именуемый чеховской усадьбой. Остатки парка. Высохшие ветви старых деревьев. Чеховский сад полностью вымерз еще перед войной. Кругом бурьян. Одичавшие цветы-многолетники в нем. Среди зарослей — потрепанный временем, но все-таки уцелевший флигель. Рядом дорога, проходящая прямо через то место, где когда-то стоял дом Чеховых. И ни одного мемориального экспоната. Ни одной вещи, к которой прикасалась рука писателя. В здании по соседству с усадьбой, приспособленном под музей, хранилось несколько копий с чеховских документов, газетные вырезки да книги. Все приходилось начинать практически с нуля.

Переведенный через год с должности сотрудника на должность директора музея, Авдеев сразу же был вынужден встать на защиту музейного хозяйства. В единственной мало-мальски сносной здешней постройке колхоз намеревался разместить контору. Думали, получающий грошовый оклад новый руководитель скоро сбежит, как его предшественники. Никто не верил, что в разоренной усадьбе можно создать музей. Колхозное стадо гоняли прямо через сад. Но солдат Великой Отечественной не думал отступать. Он не только не сдал музейного здания, но отстоял парк и за короткое время заложил ядро будущей экспозиции. Появились первые мемориальные предметы.

*На обочине проезжей дороги — доска с надписью:
«Здесь стоял дом А. П. Чехова».
Фотография начала 1950-х годов*

А. П. Чехов в Мелихове

Музей вроде бы работал, принимал посетителей. Однако чеховские вещи покоились в случайном соседстве под стеклом стенов-тумбочек: белый картуз, в котором доктор Чехов объезжал в холерную эпидемию окрестные деревни; визитные карточки; знакомое по портретам пенсне... Вещи были подлинными, но молчали. Авдеев понимал: нужно оживить чеховский мемориал. Продолжая поиски экспонатов, он вынашивал планы восстановления главного дома усадьбы, разорванного крестьянами еще в 1929 году. То ли напористая приверженность делу, то ли какие-то другие качества его на-

туры сему способствовали, но близкие к Антону Павловичу люди — С. М. Чехов, О. Л. Книппер-Чехова, М. П. Чехова — прониклись к новому мелиховскому директору особенным доверием, следствием чего и явился приток ценных поступлений в музейные фонды. Однако вещи продолжали молчать.

Как же найти ключ, способный открыть вход в прошлое? В марте 1956 года Ю. К. Авдеев с женой Любовью Яковлевной Лазаренко отправились в Ялту к Марии Павловне Чеховой. Внимательно слушали рассказ 93-летней сестры писателя о жизни чеховской семьи в Мелихове. Она вычертила планировку комнат в главном доме, обсказала устройство всей усадьбы. Гости попытались было уточнить некоторые мелкие подробности, но Мария Павловна вдруг озадачила: «Не будьте педантами. Создавайте чеховское настроение!»

Вот он, заветный ключ!

В августе 1958 года Мелихово навестила О. Л. Книппер-Чехова. Во второй раз — пятьдесят девять лет спустя после незабываемых трех весенних дней, проведенных здесь с Антоном Павловичем в кругу его дружной семьи. Она записала в музейной книге: «У меня нет слов от воспоминаний. Как сейчас вижу цветущий сад с небольшим прудом, чудесные деревья и кусты, цветы... Много неба, много земли, уютный дом, который любил показывать в милом шутиливом тоне гостеприимный хозяин, но главной гордостью его было то, что давала земля».

*Мелихово.
Одна
из первых
экскурсий
Ю. К. Авдеева.
Фотография
1949 года*

ТРУДЫ И ДНИ

Воссоздание чеховского дома началось. Восстанавливались парк и сад. Цвели розы. В листве проглядывало первое золото осени. В высокое мелиховское небо привольно вымахнули горделивые кроны посаженных отцом писателя берлинских тополей. Возрождающаяся усадьба радовала глаз, но еще больше обещала в скором будущем. Предстояло сделать ее настоящей, чеховской. Ольга Леонардовна своими советами помогала избегать фальши.

Чутьем художника Авдеев понял: все в Мелихове должно говорить о Чехове — и люди, и окрестная природа. К делу Юрий Константинович подошел не как администратор, а как создатель уникальной ландшафтно-мемориальной картины. Точной. Правдивой. Трогающей душу и память.

Хлопот с главным домом хватило на несколько лет. Надо было составить и скрупулезно выверить проект. Но прежде — утвердить самую идею строительства. Добиться ассигнований, найти материалы, хороших мастеров. Излишне говорить, скольких трудов все это стоило. Из собирателя Авдеев превратился в строителя. Бывший солдат и тут справился.

Один из секретов успеха заключался в том, что и художник в Авдееве не умер, не уступил своих законных прав ни музейщику, ни строителю. Строгий вкус, суровая взыскательность и, конечно, воображение — не беспочвенное, а основанное на глубоком познании, — все это стало незаменимым подспорьем в работе. Припоминался фронтовой опыт — поиски достоверности, внутренней правды в изображении людей войны. А здесь требовалось воссоздать и время, и образ писателя, и облик земли, от которой неотделим Чехов. Буквально минувшее воспроизвести невозможно. Но можно проникнуться духом достоверности. Именно достоверное воссоздавалось в Мелихове при Авдееве изо дня в день, из года в год.

Сегодняшние посетители Мелихова не замечают, что чеховский дом — позднейшей постройки, настолько органично он вписан в усадебный ансамбль. Будто так и стоял здесь с того дня, как Антон Павлович в последний раз вышел из него. Гостиная. Чудится замирающий звук старинного рояля. Комната отца писателя — Павла Егоровича. Подшивки столичных газет. Пучки лекарственных трав, источающие тонкий аромат. Конторка,

*Ю. К. Авдеев
с женой Любовью Яковлевной
и дочерью Ольгой
на фоне первой литературной
экспозиции музея.
Фотография В. Молчанова.
1954 год*

*Ю. К. Авдеев
на террасе
восстановленного дома.
Фотография 1960 года*

за которой Павел Егорович вел дневник. Комната с массивным письменным столом под зеленым сукном — рабочий кабинет Чехова. Антон Павлович поднимался раньше всех в доме. В пять утра склонялся над чистым листом бумаги. Потом выходил на участок, где уже работал Павел Егорович. Из окон кабинета виден огород, именовавшийся «Югом Франции» — по большинству прижившихся на нем неведомых для этих мест зеленых поселенцев...

Создание «чеховского настроения» можно проследить на примере обстановки комнаты Марии Павловны. Здесь почти все устроено так, как и при жизни Чехова. На стене мелиховские этюды хозяйки. Личные вещи. И все же из-за утрат и фрагментарности собранного материала, конечно, желанной полноты не получалось. Решение было найдено Авдеевым гениально. На стенке в углу у рабочего стола художницы он поместил ходики с длинным маятником и яркой росписью в народном стиле по циферблату. Они и по сегодня отличаются завидной точностью хода. А были часы не куплены, не из-за моря привезены — смастерил их брат Антона Павловича Александр...

Многое могут поведать вещи, и почти за каждой Авдеев раскапывал свою историю. Однажды ему принесли самовар, подаренный, по семейной легенде, Чеховым плотнику Егорышеву, что строил флигель и все три организованные писателем для крестьянских детей школы. Подтверждение легенды нашлось в архиве М. П. Чеховой, которая описала факт дарения. Кроме того, она сообщила: плотник пришел в эти края из Егорьевского уезда на заработки, пустил здесь корни; потомки мастера узнавали своего деда (а для кого-то и прадеда) в чеховском плотнике Костыле. Это и послужило толчком для возвращения самовара в собрание чеховских реликвий.

Ю. К. Авдеев старался сделанные им находки как можно шире обнародовать еще до того, как они займут свое место в экспозиции. Однажды он созвал друзей, но зачем — загадочно умолчал. Когда все собрались, Юрий Константинович продемонстрировал ранее неизвестный ялтинский снимок Чехова. И только потом стало ясно, почему Авдеев так поступал. Конечно, с одной стороны, для того, чтобы поделиться радостью открытия. А с другой... Он не мог сам различить детали и впиты-

вал реплики близких ему по духу и мировосприятию людей, «разглядывая» очередное обретение их глазами, прежде всего глазами жены и дочери.

О том, как удавалось выходить на след чеховских вещей, можно писать детективные истории. Взять хотя бы рояль. Он стоит в гостиной, обстановка которой напоминает обстановку IV действия «Чайки». Ломберный столик. Диван. Стеклянная дверь на веранду. Помните, в тоскливую осеннюю ночь через такую же стеклянную дверь с террасы дома Сорина в последний раз пришла к Константину Треплеву Нина Заречная? А незадолго перед тем за ломберным столиком играли в лото под доносящиеся звуки меланхолического вальса — это музицировал Треплев... Музыка как своеобразный лирический аккомпанемент сопутствует многим чеховским пьесам. Чехов любил, чтобы в доме звучала музыка. Без понимания этого, наверное, не состоялось бы возвращение семейного рояля в мелиховскую усадьбу. Поиски были длительными, целенаправленными. Юрий Константинович сумел вдохновить группу школьников и их педагогов. Они прошли по селам, в которых мог оказаться инструмент из чеховского дома. Поиски и расспросы привели в Москву, в квартиру М. И. Грачевой — бывшей учительницы мелиховской школы. Из ее рассказа стала известна судьба рояля. Он отыскан в одном из домов отдыха и был доставлен в Мелихово.

Вернулась в чеховский дом и «Девушка в голубом» — картина Николая Павловича Чехова, написанная в 1881 году. Она висит теперь на прежнем своем месте — в гостиной над роялем. Об этой картине работники музея знали давно. А. П. Чехов упоминал о ней в письмах. Было известно, что в годы Великой Отечественной войны работа Н. П. Чехова хранилась у некоего «старого оптика» в Новочеркасске. Именно так, без фамилии. Летом 1958 года племянник писателя художник С. М. Чехов объехал все новочеркасские оптические мастерские — тщетно. И лишь в последний день случайно услышал разговор о вышедшем на пенсию престарелом оптике Михайлове. Отправился к нему. Действительно, Михайлов многие годы хранил «Девушку в голубом», но потом подарил ее сыну, проживавшему в Москве. Здесь-то и отыскал картину Ю. К. Авдеев...